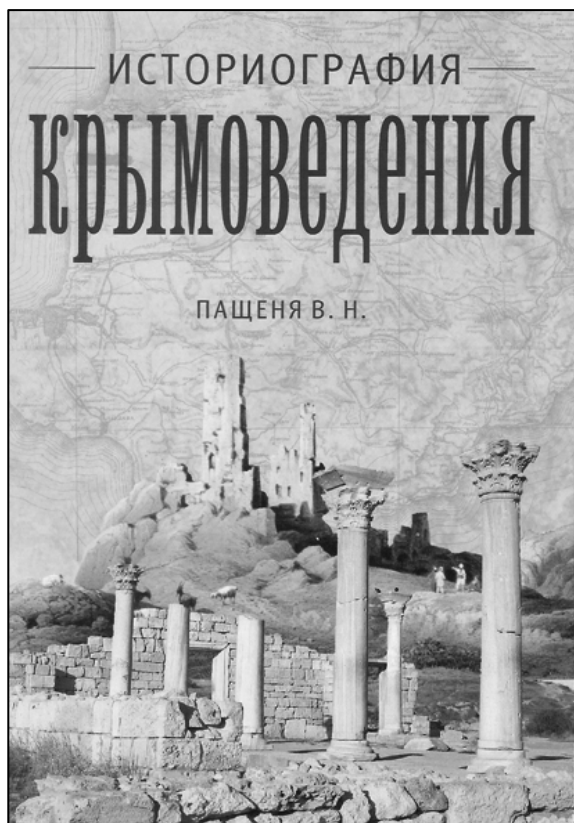

РЕЦЕНЗИИ

**ВУЛЬГАРНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КРЫМОВЕДЕНИЯ.
РЕЦ. НА КН.: ПАЩЕНЯ В. Н. ИСТОРИОГРАФИЯ КРЫМОВЕДЕНИЯ /
В. Н. ПАЩЕНЯ. – СИМФЕРОПОЛЬ : ДИАЙПИ, 2013. – 368 с.**

Непомнящий А. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: aan@home.cris.net*

Проанализирована попытка В. Н. Пащени представить очерк крымской историографии. Рассмотрена концепция автора. Сделан вывод о несоответствии названия и содержания книги, о вульгаризации им научного подхода к истории крымоведения. Названы многочисленные фактические и концептуальные ошибки В. Н. Пащени. Доказано, что книга представляет собой нагромождение фактов по крымской истории, порой никак между собой не связанных. Отсутствие опоры на источники по истории крымоведения, незнание автором историографии вопроса привели его к созданию вульгарного варианта крымской историографии.

Ключевые слова: историография, крымоведение, В. Н. Пащени, рецензия.

Появление любого исследования по истории науки всегда привлекает повышенное внимание специалистов не только в области историографии, но и многих смежных наук. Если это история крымоведения – книга станет интересной для многочисленных специалистов других областей ввиду всегда существовавших междудисциплинарных

коммуникаций ученых, их совместной работы в научных региональных и столичных сообществах. До настоящего времени обобщающие исследования историографического характера по крымоведческой тематике охватывают лишь отдельные периоды (см., например, исследование петербургской ученой И. В. Тункиной по истории археологии «Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.)» 2002 г. или нашу монографию «Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліографічне дослідження» 2003 г.), историками

науки также рассматривалась деятельность отдельных крымоведческих институций (Таврическая ученая архивная комиссия, Российское общество по изучению Крыма, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы). Безусловно, обобщающей монографии по истории крымоведения на всех этапах развития крымской историографии явно не хватает!

Восстановления полноценной картины истории научного изучения Крыма находится сегодня на новом качественном этапе. Соответственно и тематика выпускаемых в свет научных исследований по крымоведению значительно расширилась, а значит – каждый период накопления исследовательского опыта должен выходить на новые обобщения, выражающиеся в фундаментальных исследованиях тех или иных исторических процессов. Данный тезис касается не только истории отдельных регионов, этносов, социально-политической истории вообще, но и таких специфических отраслей исторической науки как историография и история науки. Нынешнее развитие этих специальных исторических дисциплин во многом определяет общий прогресс исследовательской активности, стимулирует дискуссии и поиск актуальных научных концепций.

В связи с этим, наше внимание не могло не привлечь новое монографическое исследование кандидата исторических наук, доцента Крымского института информационно-полиграфических технологий (бывшей Украинской академии печати) (г. Симферополь) Владислава Николаевича Пащени «Историография крымоведения».

Рецензируемая книга оказалась «откровением» во всех своих составляющих. Уже ознакомление с ее титульным листом заставило нас задаться вопросом: как такое значительное исследование могло быть издано без ответственности какого-либо (и в данном случае, несомненно, авторитетного) научного учреждения или академического института? Однако, сведения об ответственности, где указываются соответствующие институции, отсутствуют, а это значит, что автор творил не оглядываясь на авторитеты. Однако, уже на обороте титульного листа, указаны научный редактор и рецензенты монографии: в роли научного редактора издания назван доктор исторических наук, профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Сергей Иванович Посохов (кстати, не имеющий никакого отношения к крымоведению), а рецензентами – известный харьковский специалист в области историографии и краеведения, кандидат исторических наук С. М. Куделко и декан философского факультета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, доктор исторических наук Ю. А. Катунин. С. М. Куделко является именно кандидатом, а не «доктором» исторических наук, как по непонятным причинам указал В. Н. Пащени. Уважаемый специалист действительно рецензировал рукопись данной книги, но дал отрицательный отзыв без рекомендации рукописи в печать. Не знал о своей ответственной редакторской роли до выхода книги в свет и «научный редактор» – С. И. Посохов, который, как оказалось, вообще к данному изданию не причастен. Кстати, в книге Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина поименован «ХНУ имени В. Н. Карамзина». Но это такая мелочь по сравнению с иными «перлами» монографии, что и останавливаться на ней не будем. В. Н. Пащени подчеркивает среди особенностей своей работы тот факт, что «путевку в жизнь» монографии дала кафедра историографии ХНУ» (с. 10).

При этом – нигде не указан ни номер протокола, ни дата соответствующего заседания названной кафедры, да и было ли оно? Итак, насторожили в плане научной этики уже первые страницы данной книги.

В аннотации к изданию утверждается, что «в книге дается общая характеристика становления и развития историографии истории Крыма с древнейших времен до наших дней». Размах авторской задумки впечатлил. Занимаясь более 20 лет историей крымоведения, я пока бы не решился на подобное обобщение, поэтому жадно окунулся в чтение. А что в книге оказалось на самом деле...

Во «Введении» В. Н. Пащенко подробно описывает предмет своего исследования – и приводит четко, по-военному, устоявшиеся для диссертационных работ компоненты любого историографического труда (с. 8–9), абсолютно для подобного исследования ненужные, но возможные. Вызывает полное недоумение оглавление монографии. Так, на грани абсурда сформулировано название первой главы – «Историография источниковой базы и парадигм исследования». Налицо смешение, по меньшей мере, двух разных методов работы историка – собственно, источниковедческого и историографического анализа. Ведь для того чтобы создать историографическое исследование априори нужна источниковая база. Но в данном случае ею и должны являться труды по крымоведению. О какой «историографии источниковой базы» можно говорить в принципе? В чем тут смысл исследования? Ответа В. Н. Пащенко не дает. Зато в этой же главе есть место целому ряду «парадигм исследования» – натуралистической, юридической, этнокультурной, теологической, этнонациональной. Знакомление с текстом данных параграфов (с. 35–115), увы, не приблизит читателя ни к пониманию этих парадигм, ни к конкретным работам по крымоведению, которые могли бы пролить свет на проблемы, вынесенные в заголовки. Автор зачастую просто пересказывает хорошо известную, энциклопедическую информацию о работах общего характера, касающуюся, например, сочинений античных авторов о природе и населении Северного Причерноморья, экспедициях в Крым В. Ф. Зуева, П. С. Палласа, путешествиях П. И. Сумарокова, исследованиях Х. Х. Стевена и В. Х. Кондараки и т. д. При этом стилем изложения материала является примитивный авторский пересказ содержания трудов ученых и путешественников прошлого. Мы вообще не увидели никаких попыток собственно историографического анализа, или хотя бы общей оценки вклада того или иного исследователя.

Не менее странным выглядит и содержание параграфов, посвященных «историографии вспомогательных исторических дисциплин и археологии» (с. 115–137). Здесь, опять-таки, читатель найдет пространные рассуждения о развитии монетного дела в древнем мире, зачем-то – о становлении архивного дела в Российской империи и СССР, об истории археологии как науки и даже, как ни странно, содержание первого выпуска научно-информационного бюллетеня Главного архивного управления МВД СССР «Вопросы архивоведения» за 1959 год. Вместе с тем, как раз связного рассказа об истории нумизматических, архивоведческих или археологических исследований собственно в Крыму с характеристикой конкретных достижений деятелей науки – к сожалению, не обнаружит. Снова идет пересказ давно известных, выбранных Пащенко абсолютно по непонятному принципу и легкодоступных изданий. Опять – отсутствие всякого анализа, изредка – личная оценка, основанная

на принципе «я так думаю». Ни мнения других исследователей, рецензентов, ни опоры на современную историографию в первой главе книги В. Н. Пашени нет в принципе.

Содержание остальных глав – лишь подтверждает названные нами тезисы. Так, например недоумение вызывает название второй главы исследования «Досоветская историография Крыма с древнейших времен до 1920 года». При этом – ни одного представителя исторического крымоведения непосредственно из «древнейших времен», конечно же, не представлено. Потому что их не может быть априори. Как не представлено и ни одной заявленной на стр. 139–145 школы дореволюционной историографии крымоведения – есть и про Г. З. Байера, и про С. М. Соловьева, и про русских революционеров-демократов (зачем они здесь?), и про буржуазную историографию во главе с «Л. Н. Милуковым» (!), но об их связи (которую проследить, к слову, очень нелегко) с крымоведением – ни слова. Не менее «занятым» является и подход автора к описанию «формирования историографии экономического развития Крыма» (с. 153–160): на стр. 153–154 идут известные любому более-менее подготовленному студенту исторического факультета (да и в принципе образованному человеку!) рассуждения о развитии хозяйства в первобытную эпоху, от раннего палеолита до бронзового века, конечно же, никак не связанные с историографией крымоведения. Далее – на стр. 157–159 представлен подробный пересказ (прямо как по конспекту!) основных положений оценки развития капитализма в Российской империи, сформулированных В. И. Лениным в начале XX века. Тут, безусловно, сказалась хорошая политическая подготовка В. Н. Пашени – выпускника Даугавпилсского авиационного училища войск ПВО. Стоит ли говорить, что ответа на вопрос – какое все эти сведения имеют отношение к предмету исследования – мы на страницах книги не найдем.

В третьей главе «Создание и развитие советской школы историографии крымоведения (1917–1945 гг.)» мы зачем-то вынуждены ознакомиться с авторской оценкой Пашени событий Февральской революции 1917 г.: «Обреченность императорского дворянского строя России была ясна и понятна всему прогрессивному человечеству планеты Земля. <...> К власти пришла российская полиэтническая буржуазия, во главе которой встал ставленник мирового масонства А. Ф. Керенский. Масонские представители в лице М. С. Грушевского, В. Винниченко возглавили в Украине Центральную раду <...> Все шло по плану» (с. 185). Заметим, что подобные политизированные пассажи в книге не редкость. Однако, при этом, нельзя не отметить, что такие оценки явно не имеют ничего общего с принципами историзма и объективности, названными автором «определяющими факторами объективного использования парадигм» (?). Впрочем, самому В. Н. Пашене, очевидно, куда более близок принцип альтернативности, по его мнению, «обязывающий рассматривать, не отрицая, различные точки зрения (пусть даже несуразные, но высказанные)» (с. 36).

Бросается в глаза неумная самореклама В. Н. Пашеней своих же многочисленных трудов, в последние годы обрушившихся на читателей мощным и непрекращающимся потоком. Автор монографии зачем-то пустился в ностальгические воспоминания о своей работе в Таврическом национальном университете имени

В. И. Вернадского (с. 274–278, 279–280). На читателя выплескивается информация, не имеющая не только никакого отношения к теме исследования, но и научной ценности: попросту – жалобы автора на неоцененность его исследований, в том числе – рассказ о переводе его с полной ставки доцента на 0,75 ставки...

Книжица просто переполнена и многочисленными фактологическими ошибками. Приведем только некоторые из них. Рассуждая о связи библиографических исследований с историографией крымоведения, В. Н. Пашеня делает безапелляционное заявление о том, что материалы сборника «Указателя сочинений, касающихся Крыма» А. И. Маркевича «хранятся в рукописной форме в Крымской Республиканской Научной Библиотеке им. И. Франко» (с. 25). Действительно, в главной библиотеке Крыма есть названные материалы. Для Пашени будет, наверное, откровением, что оснований считать их реальными материалами А. И. Маркевича нет. Потому как любому, кто интересуется историографией крымоведения известно, что картотека А. И. Маркевича, которую ученый продолжал составлять вплоть до конца 30-х годов XX века в Ленинграде действительно сохранилась в полном виде. Ввиду материальных затруднений престарелый ученый был вынужден продать ее в два этапа Государственной академии истории материальной культуры. Эти материалы, а также ценные биографические документы А. И. Маркевича, членов его семьи и коллег составили основу личного архивного фонда А. И. Маркевича в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН на Дворцовой набережной в Санкт-Петербурге и на сегодняшний момент доступны исследователям (ф. 32 названного архива). Понятно, что В. Н. Пашеня ни в одном архиве, ни Российской Федерации, ни Украины, где отложились документы, связанные с «историографией крымоведения» кроме Гос. архива Республики Крым не работал и вряд ли имеет представление о существовании таковых. С какими же тогда материалами, хранящимися в Крымской республиканской универсальной научной библиотеке, «проводил исследование» автор? Действительно, сотрудниками библиотеки еще в 60–70-е годы XX века были осуществлены ряд поездок в Ленинград, где они от руки переписали содержание картотеки А. И. Маркевича (более 10 000 карточек). После этого рукописные карточки были перепечатаны на печатной машинке и составлены тома, в которых по понятным техническим причинам вкралось огромное количество ошибок. В этой связи названный Пашеней сборником А. И. Маркевича печатный каталог вообще нельзя рассматривать всерьез. Данные материалы нельзя считать картотекой А. И. Маркевича.

Заметим, что посещение автором главных архивохранилищ, где сконцентрированы документы по теме исследования при подготовке серьезных научных трудов еще никто не отменял. И наивно думать, что этим архивом является Гос. архив Республики Крым. Пашеня вообще не знаком ни с одним личным архивным фондом деятелей, которые стали, по сути, создателями крымской историографии, за разработку которой он с такой легкостью взялся. А таких фондов около сотни и разбросаны они по различным академическим центрам – различным городам, государственным и ведомственным архивам, фондам музеев и отделам рукописей библиотек. Без этих материалов просто нелепо браться за создание «Историографии крымове-

дения». Налицо не только полная исследовательская некомпетентность В. Н. Пашени, но и банальная неосведомленность автора об общеизвестных фактах.

Наиболее неожиданные историографические «открытия» В. Н. Пашеня делает в уже упомянутой третьей главе своей книжки (с. 185–236), посвященной довоенному периоду развития советской «историографии крымоведения» (оговоримся – сугубо по авторскому мнению). В параграфе 3.1. «Суть и направления искажения истории и историографии советского государства, Крымской ССР (АССР)» (с. 186–189) автор попытался сформулировать заявленные «суть и направления», однако, из представленных девяти пунктов, реально относящимся к теме, можно назвать только один, касающийся «изъятия из оборота и уничтожения исторической, научной и другой литературы, изданий дореволюционного периода и Гражданской войны». Все остальные пункты либо нельзя отнести к деятельности советских органов в данный период, либо – попросту являются политизированными рассуждениями автора. В следующем параграфе 3.2. недоумение вызывает само название – «Формирование крымской истории и историографии практическими партийно-советскими и хозяйственными работниками, архивными фондами» (с. 189). В оглавлении впрочем, архивные «фонды» заменены на «документы», однако это не добавляет ясности – кто и что формировал? Нет и разъяснения смысла понятия «практические партийно-советские и хозяйственные работники», потому как если принять такую формулировку, то неизбежно возникнет вопрос – значит, были еще и некие «теоретические партийно-советские работники»? Относительно же содержания параграфа мы снова сталкиваемся с полным незнанием автором исторических и историографических работ современных исследователей данного периода – тех же М. Р. Акулова, Ю. А. Катунина, С. Б. Филимонова, которым В. Н. Пашеня, кстати, посвятил свой труд, или Б. В. Змерзлого, который выступает на страницах книги объектом необоснованной критики, не говоря уже о работах А. А. Непомнящего, У. К. Мусаевой, А. В. Севастьянова, Э. М. Кангиевой и многих других. Снова в тексте книги мы ничего не увидим кроме банального пересказа некоторых публикаций и незнания элементарных принципов логического изложения материала. Не иначе, как сумбурной, можно назвать оценку В. Н. Пашеней обстоятельств политической борьбы в советском руководстве в течение 20-х гг. XX в.: здесь автором приведены и аргумент о том, что «от руководства начали отстранять представителей еврейского этноса», потом внимание уделяется борьбе И. В. Сталина с «правым уклоном» и сворачиванию НЭПа, убийству С. М. Кирова. Все это приводит В. Н. Пашеню к парадоксальному выводу: «Партия и государство получили «вождя» – И. В. Сталина, вокруг которого остался «прожиточный минимум» лично преданных ему представителей еврейского этноса». Возникает, как нам кажется, закономерный вопрос – где же тут Крым, более того – историография крымоведения? Зачем здесь весь этот околонуточный бред? Будем считать этот вопрос риторическим. И предложим дальнейшие рассуждения В. Н. Пашени: «Как результат такого хода дел, предание суду и расстрел в Крыму председателя Крым ЦИКа Вели Ибраимова. Программа развития еврейского переселения в Крым свертывается и переносится на Дальний Восток, туда, «где Макар телят не пас». На уровне Союза расстреляли всех ленинских еврейских лидеров» (с. 190–191). Собственно, остается, пожалуй, задать только следующие

вопросы – о чем хотел сказать автор?; что реально входило в его задачи при написании данного текста?; да и все же – как связан процесс и расстрел Вели Ибраимова с планами создания еврейской национальной автономии в Крыму? Про историографию крымоведения умолчим – ее здесь нет и близко. Последующие два параграфа третьей главы – посвящены деятельности Истпарта (с. 194–209) и Российского общества по изучению Крыма (РОПИК, с. 209–214) и представляют собой очередной сумбурный набор пересказа архивных документов без анализа, либо – перечисление статей журнала РОПИК «Крым». При этом только упоминается, но абсолютно не используются защищенная по специальности именно «историография» диссертация А. В. Севастьянова, посвященная истории Общества. Только ссылкой ограничивается В. Н. Пашеня на историографическую монографию того же автора по проблеме. Оба параграфа написаны В. Н. Пашеней скорее в позитивном отношении к деятельности и Истпарта, и РОПИК. Однако сколь неожиданно увидеть в выводе по главе следующую формулировку: «Ведущую роль в создании новой историографии Крыма стали Истпарт и РОПИК, заложившие основы фальсификации его истории» (с. 236). Фактов, подтверждающих это утверждение не представлено, поэтому остается лишним раз сожалеть о том, что В. Н. Пашеня не нашел возможности ознакомиться с общедоступными трудами по названным сюжетам. Тогда бы и не возникало подобных нелепостей в тексте книги.

Отметим, что в поле нашего внимания, как историка и библиографа крымоведения, конечно же, попали и такие «мелочи» как неправильное написание инициалов, фамилий, названий трудов исследователей Крыма разных периодов. Так, Сергей Анатольевич Секиринский назван «С. И.» (с. 29), Григорий Михайлович Буров именуется «Г. Н.» (с. 137), Светлана Александровна Беляева указана при перечислении ученых в мужском роде, а Сергей Борисович Сорочан – в женском (с. 136). Крупнейший историк античности Сергей Александрович Жебелёв обозначен как «Желябов» (с. 131), Осман-Нури Асанович Акчокраклы назван Акгокраклы (с. 131), Евгений Владимирович Веймарн обозначен «Веймарном» (с. 213). Так называемая «Литература» (с. 309–366) вообще трудно поддается критике. Ведь это, при такой постановке проблемы, в большинстве своем для автора источники, а не литература. Я нашел там для себя кое-что «новое». В частности, оказалось, что докторскую диссертацию я защитил по специальности «Всемирная история». Это совсем не так! Моя докторская диссертация защищена по специальным историческим дисциплинам. Что в этом списке делают труды Дмитрия Ивановича Яворницкого (еще досоветские издания под фамилией Эварницкий и почему-то «в 2 томах», хотя они в трех томах) по истории украинского казачества – загадка. Такое перечисление можно продолжать, но есть ли в этом смысл... Все это демонстрирует низкий уровень подготовки исследования. Показатель элементарной безграмотности автора, взявшегося за раскрытие вопроса, в котором он попросту дилетант.

Уже много лет как термин «крымоведение» прочно вошел в обиход любого историографа или источниковеда. И смысл этого термина означает именно «историю изучения Крыма». К сожалению, мы констатируем, что об этом в книге В. Н. Пашеня сказано очень и очень мало, соответственно ее название не соответствует ее содержанию. Более того, даже приведенная в аннотации претензия на «историогра-

фию истории Крыма», также не выдерживает никакой критики. А потому становится совершенно ясно, почему это издание вышло без соответствующего грифа ответственной организации, почему у него «мифические» научный редактор и рецензент (по факту – попросту назначенные быть ответственными по воле автора!), почему даже по месту работы автора сотрудники не захотели принимать участия в подготовке данной книги, а руководство КРУ «Универсальная научная библиотека имени И. Я. Франко», также не смогло соответствовать уровню сотрудничества с В. Н. Пащенко (см. стр. 10).

В современных условиях, когда при наличии средств любой гражданин может издать что угодно под любым названием, накладывает на историографов особую ответственность. Рецензии должны появляться. Этому учит опыт полемики крупнейших ученых-крымоведов XIX века. Критика всегда будет стимулировать уровень исследований. Рецензировать же книгу В. Н. Пащенко можно долго и объем такого опуса будет равняться самой анализируемой книге. Столько в ней несоответствий граничащих с вульгарным незнанием основ изучаемого предмета. В нашем университете в рамках развития региональной истории вводится курс историографии истории Крыма. Вот будет для студентов на семинарских занятиях прекрасный источник для выявления различных ляпов и откровенных несуразностей.

Nepomnyashchy A. A. Vulgar Historiography of Studying of the Crimea: Review on the book: Pashchena V. N. Historiography of studying of the Crimea / V. N. Pashchena. – Simferopol : DIAYPI, 2013. – 368 s. / A. A. Nepomnyashchy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 1. – P. 79–86.

Analyzed attempt V. N. Pashchena to present a sketch of the Crimean historiography. Reviewed the concept of the author. Made the conclusion about the discrepancy between the title and the content of the book, about the vulgarization them a scientific approach to history of studying of the Crimea. Called numerous factual and conceptual V. N. Pashchena's errors. It is proved that the book is a conglomeration of facts on the Crimean history, some of it didn't related. Absent of reliance on the sources on the history of studying of the Crimea, the ignorance of the author of the historiography of the question led him to the creation of a vulgar arianta Crimean historiography.

Key words: historiography, studying of the Crimea, V. N. Pashchena, review.